

ЛЮБОВЬ
КОРОЛЕЙ

Фаллиа
ГРЕГОРИ

ДОЧЬ
КАРДИНАЛА

МОСКВА
2020

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г79

Philippa Gregory
THE KINGMAKER'S DAUGHTER

Copyright © 1987 by Philippa Gregory.
Atria Books, a Division of Simon & Schuster, Inc., is the original publisher

Перевод с английского *Натальи Кузовлевой*

Художественное оформление *Сергея Власова*

Грегори, Филиппа.
Г79 Дочь кардинала / Филиппа Грегори ; [перевод с английского
Н. Л. Кузовлевой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 448 с. — (Любовь
королей).

ISBN 978-5-04-110048-3

Быть дочерью деспота очень нелегко. Анна Невилл знала об этом не понаслышке. Ее отец, Ричард, — именно такой человек. Настоящий серый кардинал, он контролирует двор и короля — что уж говорить о собственных детях.

Анна Невилл с детства знала, что ее желания ничего не значат — отец все равно заставит поступить так, как надо ему. Но любому терпению рано или поздно приходит конец. Дочерям Невилла, Анне и Изабелле, надоело быть пешками в страшной кровавой игре за престол. Игре, в которой люди — разменные монеты и никому нельзя верить.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-110048-3

© Кузовлева Н., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Посвящается Энтони

Лондонский Тауэр Май, 1465 год

Моя мать, наследница короны по праву рождения и жена самого влиятельного человека в этом королевстве, как и подобает леди ее положения, идет впереди всех. За ней идет Изабелла, как старшая из нас, и только потом иду я. Я всегда иду последней. Мне почти ничего не видно, пока мы не входим в тронный зал лондонского Тауэра и мать не подводит Изабеллу к трону, чтобы она выразила почтение правителю и тут же отошла в сторону. Изабелла склоняется в низком реверансе, как нас учили, потому что король — всегда король, даже если он еще совсем юнец, посаженный на престол моим отцом. А его жена будет королевой, что бы мы о ней ни думали. И лишь когда я делаю шаг вперед, чтобы в свой черед присесть в реверансе, я наконец вижу ту, ради встречи с которой нас сюда привели.

У меня захватывает дух от того, как она хороша: это самая красивая женщина, которую я видела в своей жизни! Мне становится понятно, почему король остановил свои войска в то же мгновение, как увидел, и поспешил взять ее в жены спустя считанные недели после первой встречи. Ее улыбка медленно расцветает на лице, но потом озаряет его ангельским сиянием. Она изящнее многих статуй, и многие святые лики Богоматери, вышедшие из-под кисти великих мастеров, меркнут по сравнению с ее тонкими одухотворенными чертами. Я поднимаюсь из реверанса, и мои глаза устремляются к ней, словно она — чудотворная икона, к которой я жадно припадаю. Мне не отвести от нее взгляда, под которым ее лицо оживает, на-

полняется теплом. Ее щеки розовеют, и она улыбается мне, и я не в силах сдержать ответной счастливой улыбки. Она смеется, находя мой нескрываемый восторг перед ней забавным, и тут я ловлю полный ярости взгляд своей матушки. Я тороплюсь занять свое место подле нее, где уже стоит, нахмурившись, моя сестра Изабелла.

— Ты вытаращилась на нее, как слабоумная! — шипит она мне. — Ты всех нас позоришь. Что бы сказал на это отец?

Король делает шаг вперед и тепло целует матушку в обе щеки.

— Есть ли известия от моего дорогого друга, твоего господина? — спрашивает он.

— Он усердно трудится на службе Вашего Величества, — быстро отвечает она, потому что отца нет на сегодняшнем приеме, как и на всех нынешних празднествах. Он встречается с самим королем Франции и герцогом Бургундским, встречается с ними на равных, чтобы заключить мир с этими великими мужами Христовыми теперь, когда «спящий король»¹ потерпел поражение и мы стали настоящими правителями Англии. Мой отец — великий человек, и он представляет сейчас нового короля и всю Англию.

Король, новый король, наш король, шутливо кланяется Изабелле и треплет мою щеку. Он знает нас с тех пор, когда мы были еще детьми, которых не брали на подобные приемы, а он — мальчишкой на попечении нашего отца. В это время мать осматривается вокруг так, словно она дома, в замке Кале, зорко следит за тем, чтобы слуги тщательно выполняли свои обязанности. Я знаю, что она жаждет заметить за ними какую-нибудь оплошность, чтобы потом доложить о ней отцу как о доказательстве, что эта удивительной красоты королева не справляется с отведенной ей ролью. По недовольному выражению ее лица я вижу, что она так и не смогла ничего найти. Королеву никто не любит, и я тоже не должна ею восхищаться. Нас не должна трогать ее теплая улыбка, которой она одаряет

¹ Король Англии Генрих VI. — *Примеч. перевод.*

меня и Изабеллу, ее готовность подняться с трона, чтобы подойти и взять нашу мать за руки. Мы полны решимости тоже ее не любить, потому что наш отец уже нашел для короля более достойную партию — принцессу Франции. Он уже все продумал, обо всем договорился, подготовил брачный договор, убедил людей, питавших ненависть к Франции, что этот брак пойдет на пользу их стране, защитит Кале и, может, даже вернет Бордо в наши руки. Вот только Эдуард, наш новый король, головокружительный красавец и славный правитель, наш любимый Эдуард, который, как мы считали, приходился кем-то вроде младшего брата нашему отцу, а нам — сиятельным дя-дюшкой, просто сказал таким тоном, словно отдавал распоряжения об ужине, что он уже женат и что с этим уже ничего нельзя поделать.

Уже женат? Да, женат, на ней.

Все понимают, как сильно он ошибся, не посоветовавшись с моим отцом насчет своей свадьбы. Нечто подобное произошло впервые за всю долгую и победоносную кампанию, которая спасла дом Йорков от позора, когда им приходилось молить спящего короля и плохую королеву о прощении, и возвела на трон Англии. Все это время отец был рядом с ним, давая советы и руководя всеми его действиями. Отец всегда знал, что лучше для короля, и король, вступивший сейчас в свои права, был всего лишь юношей, который был всем обязан отцу. Если бы не он, Эдуарду не видать бы трона, потому что именно отец научил его управлять армией, которая приносила ему победы в битвах. Отец рисковал жизнью сначала ради отца Эдуарда, потом ради самого Эдуарда, затем, когда спящий король и плохая королева бежали, а Эдуард был коронован, все должно было пойти хорошо, этот юноша вышел из повиновения и тайно женился на ней.

Она собирается повести нас в обеденную залу, и леди занимают свои места в ее свите, тщательно следя за соблюдением протокола: чрезвычайно важно, чтобы каждый находился на том месте, которое предписывает ему положение. Мне совсем скоро исполнится девять лет, и я уже достаточно взрослая,

чтобы понимать важность происходящего, а строгие правила порядка старшинства я усвоила еще совсем девочкой с первых уроков в своей комнате для занятий. Поскольку завтра ее ждет коронация, она идет первой. С этого момента королева всегда и во всем будет в Англии первой и будет, к неудовольствию моей матери, идти впереди нее всю ее оставшуюся жизнь. Следом за ней должна идти мать короля, но ее тут нет. Она отказалась принять прекрасную Елизавету Вудвилл и поклялась, что не станет свидетельницей на коронации престолюдинки. Все знают об этой размолвке в королевской семье, и сестры короля занимают место матери. Они выглядят довольно растерянными, лишившись руководства и примера великолепной герцогини Сесиль. Уверенная улыбка короля на мгновение меркнет, когда он натывается взглядом на пустующее место, которое по праву отведено его матери. Я даже не могу себе представить, как он решился пойти против воли герцогини, ведь она так же страшна в гневе, как моя мать. Герцогиня приходится тетушкой моему отцу, и здесь никто даже не вообразит послушаться любую из этих женщин. Единственным оправданием вызова, который король осмелился бросить своей матери, в моих глазах может стать только всепоглощающая любовь к будущей королеве. Должно быть, он действительно очень любит ее.

Мать самой королевы присутствует на коронации: разумеется, она ни за что на свете не пропустит миг своего высшего триумфа. Она занимает в процессии полагающееся ей место, возглавляя целую армию сыновей и дочерей рука об руку со своим весьма миловидным мужем, сэром Ричардом Вудвиллом, имеющим титул барона Риверса. В народе ходит шутка о том, что «нынче наступает половодье»¹. У Риверсов на самом деле немислимо большая семья: Елизавета — старшая дочь, а за спиной ее матери выстроились семь сестер и пятеро братьев будущей королевы. Я рассматриваю миловидного молодого Джона Вудвилла, который рядом со своей «молодой» же-

¹ Игра слов: фамилия Риверс в переводе означает «реки» (от *англ.* rivers).

ной кажется мальчиком, сопровождающим в свет престарелую бабушку. Его связали браком со вдовствующей герцогиней Норфолкской, моей двоюродной бабкой Кэтрин Невилл. Этот брак возмутил даже моего отца. Моя драгоценная двоюродная бабка — настоящая развалина, ей почти семьдесят лет. Некоторые люди даже сомневаются, могут ли женщины доживать до таких лет, а ее мужу, Джону Вудвиллу, всего двадцать. Моя мать говорит, что с этого момента все будет только так: если возвести на трон Англии дочь женщины, которая лишь немногим отличается от злобной ведьмы, то в стране скоро начнутся темные времена. Коронуй волчицу — и все завоюют по-волчьи.

Я отрываю взгляд от морщинистого лица моей двоюродной бабки и сосредотачиваю все внимание на своей задаче. Я должна идти за Изабеллой, идущей вслед за нашей матерью, и не наступить на шлейфы их платьев. Ни в коем случае не наступать на шлейфы! Мне всего восемь лет, и я должна сделать все, что от меня зависит, чтобы справиться с заданием. Тринадцатилетняя Изабелла вздыхает, увидев, как я прячу туфли под богатый парчовый подол, чтобы исключить даже малейшую возможность ошибки. И даже Жакетта, мать королевы, мать волчицы, бросает украдкой взгляд через плечо на своих детей, чтобы убедиться в том, что я стою на положенном месте и все вокруг пребывает в идеальном порядке. Она оглядывается с таким заботливым видом, будто бы ей есть дело до моих переживаний, и, увидев меня точно там, где я должна быть, рядом с Изабеллой, стоящей за нашей матерью, она улыбается мне той же чудесной улыбкой, которой недавно одарила меня ее дочь. Затем она отворачивается и берет под руку своего миловидного мужа, чтобы следовать за дочерью в момент ее величайшего триумфа.

Миновав центр огромного зала, заполненного сотнями зрителей, встававших и громко приветствовавших появление будущей молодой королевы, мы дождались, когда все снова расселись, и я снова могла видеть тех, кто занимал самые почетные места. Не я одна не свожу глаз с прекрасной королевы — она заслуженно привлекает всеобщее внимание. У нее удивитель-

но красивые серые глаза с восточным разрезом, а улыбаясь, она выглядит так, словно вспоминает о каком-то очень приятном секрете. Король Эдуард посадил ее рядом с собой, по правую руку, и, когда он что-то шепчет ей на ухо, она наклоняется к нему так близко, словно они вот-вот обменяются поцелуем. Такое поведение шокирует своей неуместностью, но, взглянув на мать королевы, я замечаю, что она улыбается своей дочери, словно радуясь тому, что та влюблена и счастлива. Похоже, она нисколько этого не стыдится.

Вся их семья удивительно красива, и никто не смог бы возразить, что они выглядят так, словно в них проявляется истинная красота чистейшей королевской крови. И как же их много! Шестеро из семьи Риверс, два сына от первого брака нашей новой королевы, сидящих за нашим столом, словно они королевские отпрыски, имеющие право быть с нами наравне, и дочери графини. Я вижу, каким недовольным взглядом одаляет Изабелла четырех хорошеньких девочек Риверс: от самой младшей, Катерины Вудвилл, которой только исполнилось семь лет от роду, до самой старшей из них за нашим столом, пятнадцатилетней Марты. Всем четверем девочкам обязательно найдут мужей, их обеспечат приданым и окружат всеческими милостями, только вот нынче в Англии не так уж много пресловутых мужей, приданого и милостей. Всему виной война между домами Йорков и Ланкастеров, длившаяся целых десять лет и унесшая жизни многих мужчин. Этих девочек будут сравнивать с нами, они станут нашими соперницами. Теперь нам кажется, что двор наводнили свежие лица и четкие профили, словно только что отчеканенная монета с сияющей кожей, звенящими смехом голосами и изысканными манерами. Как будто на нас совершило набег племя красивых молодых незнакомок, похожих на неожиданно оживших и закружившихся среди нас в танце статуй, или на спустившихся с небес певчих птиц, или на выпрыгнувших из моря прекрасных рыбок. Я поднимаю глаза на мать и вижу, как от раздражения розовеет ее лицо, словно она какая-то жена пекаря. Рядом с ней, словно ангел, светится счастьем молодая королева, ее

голова, как всегда, слегка наклонена к молодому королю, ее губы чуть раскрыты, словно она готова вдохнуть его, как глоток свежего воздуха.

На этом приеме я очень волнуюсь, потому что за нашим столом, по разные его стороны, сидят братья короля: во главе стола Джордж, а в самом его конце — самый младший, Ричард. Мать королевы, Жакетта, одаривает всех сидящих за столом молодых людей теплой улыбкой, и я догадываюсь, что именно ей принадлежала идея усадить нас всех за один стол, чтобы нам было веселее, а присутствие Джорджа во главе стола оказывало нам особую честь. Оказавшись за одним столом сразу с двумя герцогами, членами королевского семейства, Изабелла не может усидеть на месте и извивается ужом. Она не знает даже, в какую сторону смотреть: так ей хочется им понравиться. И хуже всего то, что две старшие дочери Риверс¹, Марта и Элеонора Вудвилл, затмевают ее без малейших усилий. Они обладают утонченной семейной красотой и сияют располагающими к себе, уверенными улыбками. Изабелла излишне усердствует в своих стараниях, а я нервничаю ничуть не больше обычного, постоянно ощущая на себе пристальный взгляд матери. Вот только девочки Риверс ведут себя так, словно они попали сюда для того, чтобы отпраздновать счастливое событие, и ждут от него только радости и веселья, а не нагоняев и выговоров, поэтому ведут себя уверенно и настроены на развлечение. Разумеется, герцоги отдадут предпочтение им, а не нам. Джордж знает нас всю свою жизнь, и мы никогда не станем для него красавицами-незнакомками. Ричард все еще находится на попечительстве моего отца, и, когда мы находимся в Англии, он вместе с половиной дюжины других мальчиков живет вместе с нами. Он видит нас трижды в день, и, разумеется, он неизбежно не сможет отвести глаз от Марты Вудвилл, нарядной дебютантки двора, не менее прекрасной, чем ее только что коронованная сестра. Однако я возмущена тем, что он меня совершенно игнорирует.

¹ Имеются в виду дочери от первого брака Елизаветы.

В свои пятнадцать лет высокий и светловолосый Джордж очень хорош собой, как и его старший брат, король.

— Ты, должно быть, впервые ужинаешь в Тауэре? Тебя же зовут Анна? — говорит он мне. Я потрясена и смущена тем, что он обратил на меня внимание, но, несмотря на тут же заливший мое лицо румянец, я довольно громко отвечаю:

— Да.

Ричард, сидящий на другом конце стола, младше Изабеллы на год и практически одного с ней роста, но теперь, когда его брат стал королем Англии, он кажется куда более высоким и симпатичным. У него всегда была самая веселая улыбка и добрый взгляд, но сейчас он изо всех сил старается вести себя подобающе коронации своей невестки, а потому остается тих и сдержан. Изабелла старается завязать с ним разговор, рассуждая о лошадях и выезде и спрашивая, помнит ли он нашего маленького пони из замка Миддлем. Она улыбается и со смехом вспоминает тот случай, когда Пеппер взбрыкнул и сбросил его на землю. Ричард, который всегда был не только горделив, но и крайне вспыльчив, тут же отворачивается к Марте Вудвилл и заявляет, что ничего подобного не помнит. Изабелла пытается создать иллюзию того, что мы всегда были друзьями, причем самыми близкими, хотя на самом деле Ричард лишь один из многих подопечных отца, с которыми в давние мирные дни в Англии мы вместе охотились и ели за одним столом. Изабелла же старается убедить девочек Риверс, что мы все — одна большая счастливая семья, а они — незваные чужаки, вторгающиеся на чужую территорию. На самом деле мы были девочками Уорика, находящимися под присмотром матери, а они — мальчиками Йорка, везде сопровождавшими нашего отца.

Изабелла может дуться сколько ей угодно, но я не собираюсь поддаваться смущению. У нас больше прав находиться за этим столом, куда больше, чем у этих красавиц Риверс. Мы — богатейшие наследницы Англии, а мой отец командует узкими водами, объединяющими Кале и английское побережье. Мы принадлежим великой семье Невилл, хранителей Северной

Англии, в наших жилах течет королевская кровь. Мой отец был опекуном Ричарда, учителем и советником самого короля, и по положению мы равны всем присутствующим в этом зале, богатством же мы превосходим их всех, включая короля, а по рождению стоим однозначно выше молодой королевы. Я могу на равных разговаривать с любым герцогом из дома Йорков, потому что без моего отца этот дом не выиграл бы войны, и трон бы по-прежнему занимали Ланкастеры, и Джордж, при всей его красоте и величии, был бы не братом короля, а сыном изменника короне.

Ужин был долгим, но завтрашний праздничный ужин по случаю коронации молодой королевы будет еще длиннее. Сегодня вечером подавали тридцать две перемены блюд, и королева специально послала на наш стол особенные угощения, чтобы почтить нас своим вниманием. Джордж встает и кланяется ей в знак благодарности, затем обходит каждую из нас с серебряным блюдом. Он замечает, что я наблюдаю за ним, и, подмигнув, кладет мне на тарелку лишнюю ложку соуса.

Время от времени моя мать бросает на меня взгляды, словно маяк, скользящий лучом света по темной глади моря. Каждый раз, когда я ощущаю на себе ее пристальное внимание, я поднимаю голову и улыбаюсь. Ей не в чем меня упрекнуть, в этом я уверена: я держу в руке одну из новых вилок, в мой рукав вложена салфетка, как у французской дамы, знакомой со всеми новыми поветриями моды, я разбавила водой вино в бокале справа от меня и ем именно так, как нас учили, изящно и без аппетита. И я не вижу причин, по которым Джордж не может обратить на меня свое внимание. Меня бы это не удивило, как, впрочем, не должно удивить и остальных.

Ночь накануне коронации мы проводим в Тауэре, и я делю кровать с Изабеллой, равно как и дома, в Кале, как и каждую ночь до этого. Меня отправили спать на час раньше ее, но я слишком взволнована, чтобы заснуть. Я уже прочитала свои молитвы и просто лежала в кровати, прислушиваясь к доносящейся из залов сверху музыке. Они все еще танцуют, король